

Когда две девочки ушли, Шэнь Мянью помог Шэнь Минчэну надеть одежду и сказал:

— Отец наказал мне не выходить из комнаты, так что мне пора идти. Брат, позови адъютанта Суня, чтобы он нанес тебе мазь.

Шэнь Минчэн схватил его за тонкое запястье:

— Брат не хочет никого, кроме Минсюаня. Минсюань, останься со мной сегодня. Если рана будет болеть, ты поцелуй меня, и боль пройдет.

Ребенок покраснел и прикрыл рот рукой:

— Брат, когда ты научился таким глупостям?

Даже его ладонь была нежной и мягкой. Шэнь Минчэн смотрел на него с темным взглядом и, не сдержавшись, обнял его, прижав к себе. Он вдохнул легкий аромат, исходивший от ребенка, и неосознанно сжал объятия. Ребенок осторожно попытался вырваться, но, возможно, из-за боязни причинить боль или просто из-за отсутствия сил, быстро успокоился и тихо прижался к нему.

Через некоторое время из его объятий раздался тихий голос:

— Брат...

— Да, — хрипло ответил Шэнь Минчэн.

Ребенок, казалось, колебался, но с осторожностью спросил:

— Другие братья тоже такие, как мы?

Шэнь Минчэн ответил:

— Наверное, да.

Шэнь Мянью: «...»

А где же совесть?

Через несколько дней Шэнь Сяовэй отправился с семьей в загородный дом на празднование Нового года, оставив только двух сыновей. Вторая наложница, узнав, что ее сын снова натворил бед и был посажен под домашний арест, была в ярости. Она даже не осмелилась упомянуть о том, чтобы взять Шэнь Минсюаня с собой.

Перед отъездом Шэнь Сяовэй вызвал старшего сына в кабинет и без особых эмоций поинтересовался его состоянием. Шэнь Минчэн, обладая крепким здоровьем, уже оправился от травмы. К тому же он был близок к осуществлению своих давних планов, поэтому небольшая рана его не беспокоила.

— Спасибо за заботу, отец, я уже в порядке.

Шэнь Сяовэй кивнул и, глядя прямо в темные глаза сына, спросил:

— Минчэн, я хочу знать, как ты относишься к Минсюаню.

Шэнь Минчэн ответил:

— Минсюань — чистый и наивный человек, что редкость. Но его слишком избаловала вторая наложница, и у него есть свои капризы. Его нужно воспитывать. Почему вы спрашиваете?

Шэнь Сяовэй взял со стола тряпку и начал чистить свой пистолет. Это было старое оружие, но он всегда держал его при себе. Он молчал несколько мгновений, а затем сказал:

— Минсюань всегда был слабее тебя. Он не такой умный, не такой хладнокровный. У него почти нет достоинств, кроме простоты. Все, что у него в голове, написано на лице.

Он резко поднял глаза:

— Минчэн, я никогда не мог тебя понять.

Шэнь Минчэн опустил взгляд и молчал.

Шэнь Сяовэй продолжил:

— Минсюань в последние годы действительно вел себя плохо, болтался с сыновьями торговцев и вел себя нагло. Я знаю об этом, но не вмешиваюсь. Знаешь почему? Во-первых, он все же мальчик, и я не хочу контролировать его, как в детстве. Во-вторых, вы с ним от разных матерей, и у вас разные интересы. Если бы он был таким же умным, как ты, наш дом давно бы распался. Я предпочитаю, чтобы он был бездельником, чем чтобы вы сражались насмерть. Я знаю, что он тебе не соперник.

Шэнь Минчэн тихо улыбнулся:

— Отец, что вы хотите сказать?

— Раньше Минсюань, хотя и был дерзким, знал меру. Но с тех пор, как ты вернулся, он начал совершать ошибки одну за другой, не боясь никаких последствий. Есть ли в этом твоя рука?

Шэнь Минчэн спросил:

— Отец думает, что я специально подставил Минсюаня?

Шэнь Сяовэй с силой бросил пистолет на стол, раздался громкий звук. Он мрачно спросил:

— Я спрашиваю тебя: да или нет!

Шэнь Минчэн спокойно ответил:

— Если я скажу нет, вы поверите?

Шэнь Сяовэй нахмурился, но промолчал.

— Отец думает, что Минсюань — мой соперник? Или вы считаете, что без грязных методов я не смогу заполучить семью Шэнь? — Его голос был ровным, словно он говорил о чем-то очевидном. — Семья Шэнь — слишком мелкая цель, чтобы я тратил силы на интриги.

Шэнь Сяовэй знал, что это правда. Его старший сын действительно обладал таким умением.

— Если ты не хочешь семью Шэнь, зачем ты так стараешься завоевать доверие Минсюаня?

Сейчас он доверяет тебе, своему сводному брату, больше, чем собственной матери. Я всегда знал, что ты равнодушен к семейным узам, и ты никогда не был привязан к кому-либо. Неужели ты действительно искренне любишь своего брата? — Шэнь Сяовэй внезапно замолчал, и его взгляд стал странным.

Шэнь Минчэн оставался спокоен:

— Я действительно искренне люблю Минсюаня. Если отец не верит, мне нечего добавить.

Шэнь Сяовэй смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Он не знал, почему в тот момент у него возникла такая ужасная мысль. Хотя его младший сын действительно был слишком красив, а старший — холоден и отстранен, они были братьями, связанными кровью. Как он мог думать о таком?

После долгого молчания он устало сказал:

— Иди.

Затем добавил:

— Пока я буду в отъезде, Минсюань будет находиться в родовом храме. Он не выйдет, и ты не будешь его видеть.

Шэнь Минчэн остался на месте, молча выражая свое недовольство.

Шэнь Сяовэй гневно ударил по столу:

— Иди. Я еще жив, и в этом доме я главный!

Шэнь Минчэн сжал кулаки, но в конце концов слегка поклонился и вышел.

Шэнь Мянью был заперт в родовом храме. Храм семьи Шэнь находился в загородном доме, и в нем хранились таблички отца, деда и рано умершего брата Шэнь Сяовэя. Хотя табличек было немного, это все же был храм, и там царил мрачная атмосфера.

Шэнь Мянью сидел на подушке, думая, что за несколько месяцев, проведенных здесь, он уже успел побывать в сарае, получить удар плеткой, а теперь его заперли в храме. Он словно испытал на себе все наказания, описанные в драмах о строгих семейных устоях.

Он также размышлял, было ли его вмешательство в банкет Шэнь Сяовэя в Грушевом саду случайностью или частью чьего-то плана. Если это был чей-то заговор, то это было опасно, ведь в огромном доме Шэнь было немало тех, кто хотел бы его подставить. Только официальных и неофициальных жен его отца было пять или шесть, поэтому нужно было быть осторожным.

[Комната прямой трансляции] утешала его:

[Не волнуйся, Мянью, брат не оставит тебя.]

[Да, наш брат такой добрый.]

[Только мне кажется, что брат немного пугает?]

[Нет, мы, сторонники третьего господина, считаем, что старший брат не такой уж хороший (говорим против совести).]

[Как бы то ни было, Тяньтянь — мой любимчик, хм!]

[Мы, всеядные, ничего не боимся (смеется).]

Шэнь Мянью улыбнулся и спросил:

— А кто, по вашему мнению, лучше всех справляется?

[Комментарии в реальном времени] взорвались:

[Боже, ведущий заговорил о похабном, репорт!]

[Я слишком невинный, чтобы понять это!!]

[Я... я еще малыш (показывает пальчики).]

[Мянью, Мянью, они все врут! Я скажу!! Я думаю, третий господин лучше всех!]

[Третий господин — это тот, кто может довести Мянью до слез, даже не моргнув глазом.]

[Сторонники старшего брата не согласны!!! Собачья талия + живой молоток — вот это да!]

[А наш Тяньтянь молод и полон сил!!! Маленький волк + идеальная внешность + семь раз за ночь — вот это да!]

[Прекратите!!! Я уже представляю себе сцену с четырьмя участниками...]

...

Комментарии спорили долго, но так и не пришли к единому мнению, оставив решение за ведущим.

Шэнь Мянью, удивленный комментариями, слегка кашлянул и улыбнулся:

— Когда я все испытаю, я вам расскажу.

[!!!]

[!!!!]

[!!!!!!]

...

Внезапно за дверью раздался звук отпираемого замка. Шэнь Мянью вскочил и спросил:

— Это ты, брат?

За дверью ответили:

— Второй молодой господин, это я, адъютант Сунь. Старший брат велел принести вам ватное одеяло. Ночью холодно, и в храме особенно сыро. Пожалуйста, берегите себя.

Шэнь Мянью снова сел на подушку и спросил:

— Почему брат не спасает меня?

<http://bllate.org/book/15553/1415242>